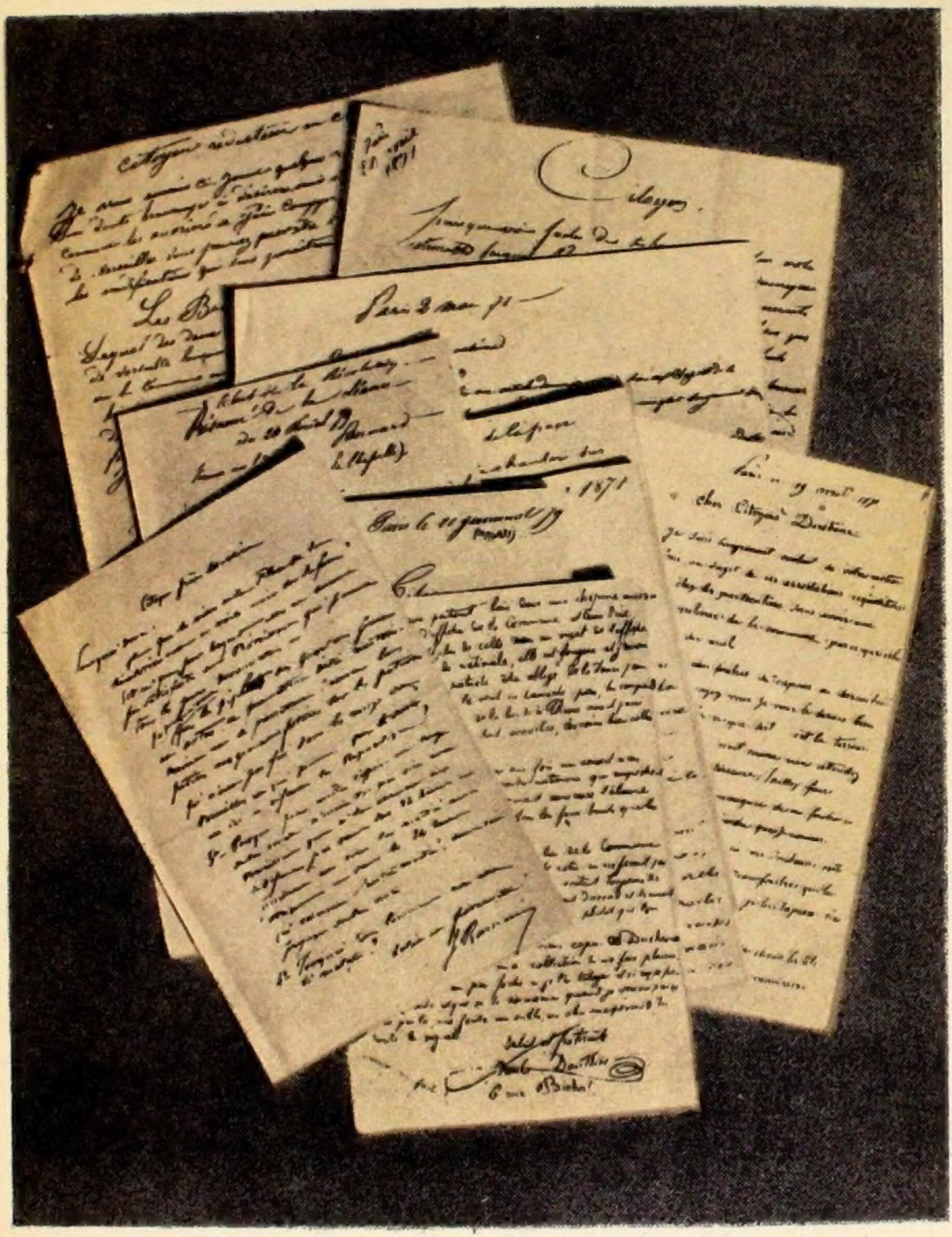
ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(6)

ПИСЬМА РАБКОРОВ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

ВИ332
П562

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(6)
1937



Подлинники корреспонденций в газету „Отец Дюшен“, хранящиеся в архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина

9/6

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

ПИСЬМА РАБКОРОВ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Второе издание

1. экз.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б)
1937

К.
П
ВИ332
П562
2

Х54
37
82498 У

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Среди материалов Парижской Коммуны, собранных в архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина, хранится небольшая пачка писем корреспондентов парижской газеты „Отец Дюшен". Эти письма—живые документы героической борьбы парижских коммунаров.

Подобные документы представляют большой политический и исторический интерес. Они очень наглядно и ярко показывают, насколько правы были Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин в своей оценке исторического значения Коммуны—и в своей критике ее ошибок.

Всемирно-историческое значение Коммуны заключалось в том, что она была, как писал Маркс, „по сути дела *правительством рабочего класса*"[1], т. е. первым в мировой истории опытом диктатуры пролетариата. Анализируя причины гибели Коммуны, Маркс и Энгельс всегда отмечали, что народные массы Парижа, парижские рабочие-коммунары были выше своих вождей—бланкистов и прудонистов, что в Париже 1871 г. массы проявили огромную историческую инициативу. „Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, *но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы*, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед

---

[1] *Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 392. 1934.

его стенами, всецело отдавшись строительству нового общества“ [1].

Беда многих руководителей Коммуны состояла в том, что они не понимали того *нового,* что вызвало к жизни Коммуну; постоянно оглядываясь назад, на опыт буржуазной революции XVIII века, эти руководители некритически черпали многое из прошлого; как известно, этот груз традиций эпохи, уже отошедшей в прошлое, во многом тормозил деятельность Коммуны.

Традиция подсказала редакторам „Отца Дюшена“ и самое название их газеты. Имя „папаши Дюшена“ было хорошо знакомо парижским народным массам еще до революции 1789—1794 гг. То был популярный комический персонаж народных комедий, забавлявший парижан на ярмарочных площадях своими грубоватыми остротами и злыми сарказмами. Во время революции конца XVIII века ряд литераторов пользовался этим именем, назвав им свои периодические листки—маленькие популярные памфлеты. Все эти издания старались приспособиться к настроению и языку парижских масс. Но самым популярным из них был „Отец Дюшен“ известного деятеля революции Эбера—одного из вождей парижской бедноты.

Газета Эбера выходила в среднем раз в три-четыре дня, с конца 1789 до марта 1794 г. [2], т. е. до ареста Эбера робеспьеристами и казни его на гильотине. Эбер умел разговаривать с народом на простом языке предместий; он превратил свою газету в выразительницу интересов и чаяний плебейских революционных масс Парижа. Он сумел выразить их ненависть к контрреволюции, к монархии, к феодализму, их ненависть к купцам, банкирам, ростовщикам, спеку-

.....

[1] *Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 399. 1934.
[2] Всего вышло 415 номеров.

лянтам, попам, ко всякого рода эксплоататорам и паразитам.

Во время революции 1848 г. журналист Кольфаврю начал было издавать в подражание Эберу газету „Отец Дюшен“. Эта газета существовала недолго (вышло всего 8 номеров) и была закрыта после разгрома июньского восстания.

В третий раз „Отец Дюшен“ появляется в дни Коммуны. В начале марта 1871 г. три журналиста, примыкавшие к бланкистам,—Вермерш, Эмбер и Вильом, решили издавать газету по образцу эберовского „Отца Дюшена“. Так как всю работу по изданию газеты они решили взять на себя лично, то для печатания первого номера нужна была скромная сумма в 500 франков; эти деньги они достали у двух газетных продавцов, с которыми и делили доход от газеты. Свою газету они так и назвали: „Отец Дюшен“. Виньетку для газеты, изображавшую санкюлота с треугольником равенства, нарисовал художник Ф. Регаме.

Первый номер газеты вышел 6 марта 1871 г. (16 вантоза 79 г.). Он был главным образом посвящен вопросу о квартирной плате. Домовладельцы требовали от версальского правительства отмены закона об отсрочке уплаты квартирной платы и принуждения квартирантов к ее уплате. „Отец Дюшен“ предложил не платить ни гроша за период с начала войны (с июля 1870 г.). Успех первого номера был огромный. Первые 30 000 экземпляров разошлись очень быстро и через несколько часов потребовался дополнительный тираж в 25 000.

Второй номер газеты был направлен против правительства национальной измены и требовал суда над ним.

Вскоре после этого правительство поставило вне закона всю революционную прессу. Приказом губерна-

тора Парижа генерала Винуа от 12 марта были закрыты все революционные газеты Парижа, в том числе и „Отец Дюшен“. Очередной номер газеты (№ 6) вышел только 21 марта, т. е. после победы рабочей революции.

При Коммуне было издано еще 62 номера. Последний из них (№ 68) вышел 22 мая, когда уже около трети Парижа было в руках версальцев.

„Отец Дюшен“ откликается на все важнейшие политические вопросы, причем во всех этих вопросах он занимает самостоятельную, резкую, хотя и далеко не всегда правильную позицию.

Когда прудонистское меньшинство опубликовало 16 мая заявление о своем выходе из Коммуны, „Отец Дюшен“ потребовал (в № 63) предания их военному суду как изменников. В № 17 „Отец Дюшен“ опубликовал свое „великое предложение заставить попов платить за наем их молитвенных домов“. В № 34 он требовал конфискации имущества всех бежавших в Версаль. Газета много занималась социально-бытовыми вопросами, призывая к решительной расправе со всеми спекулянтами и хищниками.

Газета пыталась стать политическим и военным организатором масс. На выборах в Коммуну 26 марта и на дополнительных выборах 16 апреля „Отец Дюшен“ выдвинул, например, свой самостоятельный список. В дни Коммуны наряду с другими батальонами национальной гвардии, носившими обычно порядковый номер, было несколько батальонов со специальными названиями: „Стрелки Коммуны“, „Мстители Флуранса“ [1], „Защитники Республики“ и др. Эти батальоны организовались путем особой индивидуальной вербовки. „Отец Дюшен“ начал формировать 1 мая особый батальон—„Ребята отца Дюшена“, со

[1] *Флуранс* — член Коммуны, зверски убитый версальцами в первые дни борьбы ее с Версалем (3 апреля).

N° 44. UN SOU N° 44.

9 *Floréal* an 79.

LA GRANDE COLÈRE

DU

PÈRE DUCHÊNE

Contre les jean-foutres de propriétaires qui ne foutent pas les quittances aux patriotes, comme le veut le décret de la Commune;

Avec sa grande motion contre ces bougres-là qui conspirent avec les insurgés de Versailles pour foutre les citoyens de Paris dans la moutarde!

Tous les matins, et tous les soirs, quand le Père Duchêne ouvre la boîte qu'il a clouée contre la muraille de son imprimeur Sornet, pour que les patriotes puissent y mettre leurs communications,

Il trouve une belle tapée de lettres qu'un chien n'y trouverait pas ses jeunes!

Ce qui lui fait bougrement plaisir, foutre!

Первая страница № 44 газеты „Отец Дюшен“

Музей ИМЭЛ

своим офицерским составом и своей особой формой; редакция газеты была политическим и хозяйственным штабом батальона. Батальон сражался в последние дни Коммуны.

„Отец Дюшен“ был прочно связан с массами. В № 44 мы читаем следующие строки: „Каждое утро и каждый вечер, когда отец Дюшен открывает ящик, прибитый к стене его типографии Сорне для того, чтобы патриоты могли туда бросать письма, он находит целую груду этих писем, гораздо большую, чем у любой собаки щенков. Это доставляет ему чертовское удовольствие, ибо он убеждается, что патриоты читают его газету, что он понимает толк в политике Парижа, так что благодаря ему народ знает, что̀ здесь происходит, а он сам знает, что̀ надо сделать для пользы и в интересах народа“.

На своих страницах газета часто упоминает о различных обращениях в редакцию отдельных лиц с различными предложениями. Так, например, в № 47 (25 апреля) рассказывается о том, как одна пролетарка принесла в редакцию все свои скромные драгоценности—серебряную ложку, серебряное кольцо и серьги—с предложением продать их, чтобы откупиться от пруссаков. Опубликованное от имени „Отца Дюшена“ в № 17 (1 апреля) „великое предложение заставить попов платить за наем их молитвенных домов“ весьма похоже на два письма, печатаемых ниже. Популярность „Отца Дюшена“ среди защитников Парижа видна еще из того, что артиллеристы Коммуны, расположенные со своей батареей у заставы Терн, окрестили одно орудие „Отцом Дюшеном“ и пригласили редакторов газеты—в качестве „шефов“—посетить батарею. Во время этого посещения артиллерист-коммунар с радостью демонстрировал работу орудия, приговаривая: „Клянусь вам, будет здорово рявкать!“

II

Бланкисты, к которым примыкали, как сказано выше, руководители „Отца Дюшена", сыграли крупную роль в революционных событиях в Париже в 1870—1871 гг. В Совете Коммуны им совместно с якобинцами принадлежало большинство (меньшинство принадлежало прудонистам). Энгельс отмечает, что если за экономические декреты Коммуны (как за их достоинства, так и за их недостатки) ответственны прудонисты, то за политические действия и ошибки Коммуны ответственны бланкисты.

Среди многочисленных течений домарксовского социализма бланкизм был наиболее близким к марксизму. Несмотря на ошибки, которые неоднократно делали и сам Бланки и бланкисты, несмотря на непонимание ими основных движущих сил исторического процесса, Маркс, Энгельс и Ленин высоко ценили Бланки. Говоря о признаках временного подъема активности рабочих Парижа после июньского разгрома 1848 г., Маркс писал: „*Пролетариат все более группируется вокруг революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем *Бланки*" [1].

Бланки,—писал Ленин,—„несомненный революционер и горячий сторонник социализма" [2].

Но и Маркс, и Энгельс, и Ленин ясно видели и трезво расценивали слабые стороны Бланки и бланкистов. В 1874 г., уже после опыта Коммуны, Энгельс так характеризовал Бланки: „Бланки по существу—политический революционер; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений

[1] *Маркс*, Избранные произведения, т. II, стр. 226. 1934.
[2] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 162.

Великий гнев Отца Дюшена

Рисунок изображает отца Дюшена, вытаскивающего на свет Наполеона III и Тьера

Музей ИМЭЛ

социального переустройства“ [1]. А в предисловии 1891 г. к „Гражданской войне“ Энгельс распространяет эту же характеристику и на бланкистов, говоря, что они были „тогда социалистами большей частью лишь по революционному пролетарскому инстинкту“ [2]. Что касается заговорщической тактики, к которой часто прибегали бланкисты, то эту тактику марксизм-ленинизм решительно отвергает.

Непонимание бланкистами законов экономического развития привело их к ряду крупнейших, роковых ошибок, совершенных ими в 1870—1871 гг. Неуменье отличить задачи демократической революции от задач революции социалистической привело Бланки и его учеников к тому, что они заняли в войне 1870 г. буржуазно-патриотическую позицию. В значительной степени по их вине парижский пролетариат не понял того, что правительство, вышедшее из революции 4 сентября 1870 г., является правительством беспощадной расправы с пролетариатом. Парижский народ не понял того, что Фавр, Трошю и К⁰—предатели родины, что ни о какой успешной борьбе против внешнего врага не могло быть и речи, пока власть во Франции оставалась в руках этой шайки предателей. До низвержения правительства национальной измены не могло быть и речи о „защите отечества“. Ведь это правительство и не помышляло о действительной войне с пруссаками; ведь Бисмарк тревожил этих господ несравненно меньше, чем то обстоятельство, что революционный Париж владел оружием. Но буржуазно-патриотическая иллюзия, как писал Ленин, „подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 225.
[2] *Маркс*, Избранные произведения, т. II, стр. 353. 1934.

буржуазный вопль „*Отечество в опасности!*“ В соединении противоречивых задач—патриотизма и социализма—была роковая ошибка французских социалистов. Уже в Манифесте Интернационала, в сентябре 1870 г., Маркс предостерегал французский пролетариат от увлечения ложной национальной идеей...“ [1]

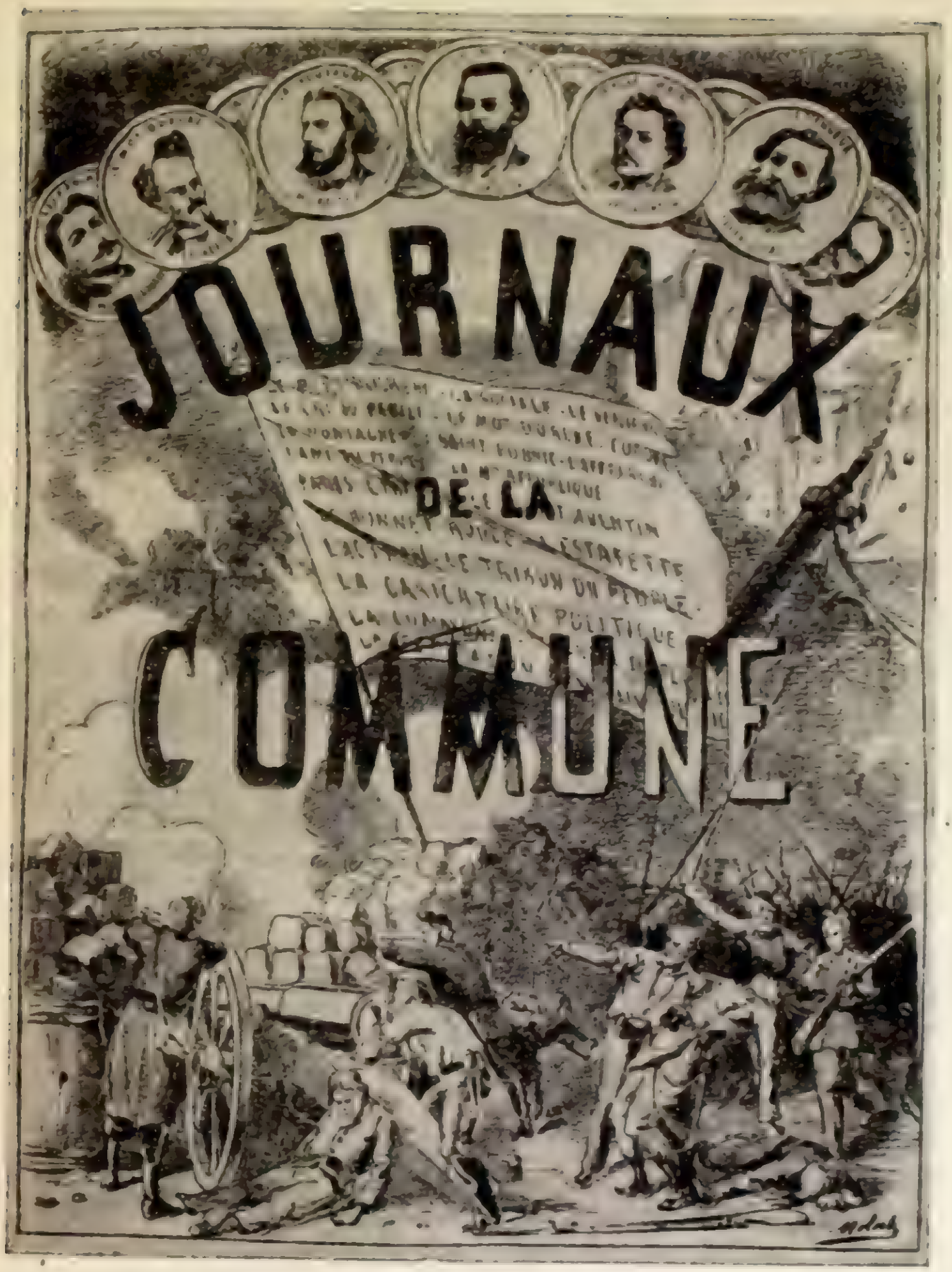
Бланкисты и позже, через несколько лет после Коммуны, когда у них было достаточно времени обдумать прошлое, не поняли ошибок, совершенных ими в дни Коммуны. В 1874 г. группа бланкистов, эмигрантов Коммуны, выпустила в Лондоне манифест, в котором фетишистски преклонялась перед всем, что сделала Коммуна. Энгельс немедленно отозвался на этот манифест статьей, в которой он очень язвительно посмеивался над слепым преклонением бланкистов перед Коммуной. Ленин писал об этом: „Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 г., тем непозволительнее отделываться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г. в своем „манифесте“) перед каждым актом Коммуны“ [2].

Но всякое живое революционное движение ломает препятствия, поставленные на его пути не только контрреволюцией, но и доктринерами в его собственных рядах. Так было и с Коммуной. Вопреки доктринерским ошибкам вождей, массы придали Коммуне тот размах, который так восхищал Маркса. „Какая гибкость,—писал Маркс о коммунарах,—какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!“ „История не знает еще примера подобного героизма“.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 162.
[2] Там же, т. VIII, стр. 81.

824/98



Плакат: „Газеты Коммуны“

Сверху в рамках помещены портреты редакторов важнейших газет Коммуны. Третий справа — редактор „Отца Дюшена“ Вермерш.

Музей ИМЭЛ

Ленин целиком присоединяется к этой оценке и особенно подчеркивает у Маркса именно „преклонение глубочайшего мыслителя... перед исторической инициативой масс". Маркс „поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским *„геройским"* рабочим", *„он выше всего* ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю". „Маркс умел предостерегать *вожаков* от преждевременного восстания. Но к *пролетариату,* штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник борьбы масс, поднимающих *все* движение на *высшую ступень,* несмотря на ложные теории и ошибки Бланки и Прудона" [1].

„Как обыкновенно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров,—писал Энгельс,—и те и другие (т. е. бланкисты и прудонисты. *Ред.*) делали, по иронии истории, как раз противоположное тому, что им предписывало учение их школы" [2]. И поступала Коммуна во многом совершенно правильно потому, что бланкисты и прудонисты, несмотря на свое доктринерство, были все же связаны с массами и сплошь и рядом уступали их напору.

Давно уже известно, что многие декреты Коммуны были изданы под давлением массовых организаций. В печатаемых нами письмах в газету „Отец Дюшен" мы имеем одно из многочисленных документальных доказательств этого.

III

Два главных мотива проходят через все публикуемые письма: 1) горячая преданность Коммуне и 2) открытая критика ее ошибок.

Основной вопрос, над которым бьется мысль

---

[1] *Ленин,* Соч., т. X, стр. 365, 366, 367.
[2] *Маркс,* Избранные произведения, т. II, стр. 354. 1934.

„рабкоров“ „Отца Дюшена“, сформулирован уже в первом письме: „Почему Коммуна так неэнергична?“ Этот вопрос в различных формах повторяется в последующих письмах. Автор письма № 3 Пешар пишет: „Пусть обратят на это внимание—декреты издаются, но не приводятся в исполнение“. Под тем же настроением написано своего рода воззвание к коммунарам, автором которого является рабочий Альбран (см. письмо № 4). Таково же письмо № 6. Автор болеет душой за Коммуну. Ему обидно, что враги не считаются с Коммуной, а она не умеет заставить уважать себя. „Пусть она действует без всяких обиняков,—говорит автор письма,—но честно, чорт возьми, так, чтобы и те, кто не верит в нее, признали бы ее энергию“.

Неумелое, неэнергичное руководство военной борьбой против Версаля вызывает у „рабкора“ острое раздражение. Он не может понять, как те люди, которые до 18 марта в революционных клубах проповедывали применение самых решительных и сильных средств—как они теперь, после 18 марта, очутившись у власти, „сразу замолчали обо всем этом“ (см. письмо № 7). Такой же призыв к решительности звучит и в письме № 11, автор которого пишет „Отцу Дюшену“: „Подталкивай постоянно членов Коммуны, чтобы они не дремали и не давали залеживаться своим декретам“.

Письмо № 5 противоречиво, ибо автор не понимает, что происходит беспощадная гражданская война: автор требует „полной свободы обсуждения и оценки“, особенно для газет; он не хочет, чтобы Париж „навязывал“ свою волю провинции. Но так как автор письма—искренний и честный революционер, хотя и революционер по чувству, какими было большинство коммунаров, то в его настроении невольно отражается общее отношение революционных масс к Коммуне. Он требует от Коммуны энергичных

репрессий (лишения политических прав и конфискации имущества) по отношению к контрреволюционерам. Правда, он тотчас же наивно добавляет: „что́ бы ни случилось, не надо допускать насилия, конфискация будет законной и мотивированной“. Но в следующий момент в авторе опять заговорил революционер. Достаточно было ему прикоснуться к реальной жизни, как это прикосновение вызвало в его представлении вереницу Тьеров, Фавров, Мак-Магонов и т. д., а эти образы в свою очередь вызвали в нем цепь других исторических воспоминаний—о беспощадном революционном терроре якобинцев, и этот путаный, но честный революционер предлагает усилить террор по отношению к врагам.

Эта корреспонденция типична для настроений значительной массы коммунаров. Революционный инстинкт подсказывал им трезвое отношение к врагам, но этому ясному и простому взгляду мешал оформиться груз буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков. Будь тогда налицо подлинная пролетарская партия, она сумела бы освободить парижский пролетариат от этого тяжкого груза.

„...Две ошибки,—писал Ленин о Коммуне,—погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к „экспроприации экспроприаторов“, он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет „справедливого обмена“ и т. п. господствовали еще среди социалистов. Вторая ошибка—излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время

версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе“ [1].

Критика „рабкоров“ „Отца Дюшена“, часто довольно резкая, является критикой не со стороны, а критикой из *своего* лагеря, критикой людей, которым дорого дело Коммуны, которые считают его своим собственным делом. Они не только констатируют слабость Коммуны, но и полны тревоги о ее судьбах, они вносят предложения, которые направлены к ее укреплению. Даже люди, настроенные так сентиментально и пацифистски, как автор уже упомянутого нами письма № 5, все же готовы отдать за Коммуну последнюю каплю крови: „и если бы даже Париж погиб под грудой пепла, мы докажем бесчестным версальцам, что мы—люди сердца и *умеем умирать за священное для нас дело*“.

IV

Корреспонденты „Отца Дюшена“ много говорят о борьбе с церковью, выражают свое презрение и ненависть к монастырям, попам и монахам. Это, разумеется, не случайно. Подчинив церковь себе, французская буржуазия начинает оберегать религию и духовенство, рассматривая их как оружие в борьбе против пролетариата. Франция, которая дала миру Вольтера и Дидро, Гольбаха и Гельвеция, остается и поныне страной, где клерикальное влияние на массы велико.

Еще более сильным было это влияние в эпоху Второй империи. Один историк этой эпохи пишет: „Число религиозных орденов, существующих ныне во Франции, весьма значительно; они владеют несколькими тысячами учреждений. Только в азиатских государствах можно встретить подобное скопление монахов и монахинь всех цветов и всех видов“.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 163.

Мальчики — продавцы газет на крепостных валах Парижа

Музей ИМЭЛ

По данным того же историка, число попов, монахов и монахинь, занимавшихся педагогической „работой“, выросло с 17 128 человек в 1843 г. до 47 000 в 1863 г., а число детей и юношей, учившихся в церковных школах, выросло за эти годы с 806 917 до 2 миллионов, при 30 миллионах всего населения Франции. Вот почему Маркс уже в 1851 г. характеризовал режим Луи-Наполеона как „господство сабли и рясы“.

Если прибавить сюда то обстоятельство, что в руках попов сплошь и рядом находилось дело социального призрения и лечебной помощи населению, если присоединить сюда огромную политическую роль попов во французской деревне,—станет понятна та ненависть, которую к ним питали демократические и революционные слои Франции.

За 2½ месяца, в течение которых существовала Коммуна в Париже, начала развертываться борьба против духовенства и монастырей. Но непонимание бланкистами экономических корней религиозности сближает их методы борьбы с религией с методами революционной мелкой буржуазии конца XVIII века. В упомянутой статье Энгельса о бланкистском „манифесте 33-х“ в 1874 г. Энгельс касается отношения бланкистов к религии и атеизму. „В наши дни быть атеистом, к счастью, уже не редкость,—пишет Энгельс.—Атеизм, собственно, является чем-то само собою разумеющимся в европейских рабочих партиях, хотя в некоторых странах он частенько носит такой же характер, как атеизм того испанского бакуниста, который заявил: верить в бога—это противоречит всякому социализму, но верить в деву Марию—это совсем другое дело, в нее, конечно, должен верить каждый порядочный социалист. О громадном большинстве немецких социал-демократических рабочих можно даже сказать, что у них атеизм стал уже пережитком; это чисто отрицательное обозначение

к ним уже не применимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически: они *попросту покончили с богом,* они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами. Точно так же обстоит дело и во Франции. А если это не так, то чего же проще позаботиться о массовом распространении среди рабочих превосходной французской материалистической литературы прошлого века, той литературы, которая до сих пор как по форме, так и по содержанию является высшим достижением французского духа и которая,—учитывая тогдашний уровень науки,—по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, а по форме все еще остается недосягаемым образцом. Но нашим бланкистам это не к лицу. Чтобы доказать, что они всех радикальнее,—бог, как в 1793 г., отменяется декретом: „Пусть Коммуна навеки освободит человечество от этого призрака минувших бедствий (от бога), от этой причины (несуществующий бог—причина!) его нынешних бедствий.—В Коммуне нет места попам; всякая религиозная проповедь, всякая религиозная организация должна быть запрещена". И это требование—превратить людей в атеистов par ordre du mufti (по приказу свыше)—подписано двумя членами Коммуны, которые, наверняка ведь, имели случай убедиться, что, во-первых, можно писать сколько угодно приказов на бумаге, нисколько не обеспечивая этим их выполнения на деле, а во-вторых, что преследования—наилучшее средство укрепить нежелательные убеждения. Одно несомненно: единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу,—это провозгласить атеизм принудительным символом веры и перещеголять противоцерковные законы Бисмарка о культуркампфе запрещением религии вообще"[1].

---

[1] *Маркс и Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 227–228.

Одной из форм антиклерикальной борьбы, инициатива которой, несомненно, принадлежала низам, были обыски в церквах, монастырях и им подобных учреждениях. Результаты обысков, произведенных в некоторых монастырях и церквах, глубоко взволновали парижское население. Так, много говорилось о том, что в подземельях одного женского монастыря было обнаружено много скелетов и трупиков новорожденных детей, а в подземельях церкви святого Лаврентия было найдено больше десятка скелетов женщин, по-видимому изнасилованных и потом убитых. Подобные открытия нашли отзвук во множестве антирелигиозных карикатур и листовок. Под их впечатлением написаны и некоторые из помещенных ниже корреспонденций.

V

Публикуемые письма помогут читателю еще нагляднее представить себе тот гигантский шаг вперед, каким является Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и строительство социализма в СССР по сравнению с 18 марта 1871 г. и Парижской Коммуной. Мы бесконечно многим обязаны опыту Коммуны. „На плечах Коммуны стоим мы все“ [1],—говорил Ленин. Но Ленин неизменно подчеркивал, что парижский пролетариат в 1871 г. не имел ясного понимания своих задач, не имел *партии*, не имел *вождей*, которые были бы на уровне исторических задач пролетарской революции.

Опираясь на опыт Коммуны, продолжая дело Маркса, русский пролетариат, во главе с Лениным и Сталиным, создал впервые в истории дисциплинированную и централизованную революционно-пролетарскую партию нового типа. В России пролетариат не только

[1] *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 112.

захватил власть, но и одержал полную победу над капитализмом, уничтожил эксплоататорские классы и в союзе с крестьянством построил социалистическое общество.

Только в Советском Союзе получили полный простор для развития те неистощимые силы и способности трудящихся людей, которые в условиях капитализма были придавлены тяжелой плитой, беспощадно растаптывались буржуазией.

Только в Советском Союзе рабочий класс и все трудящиеся, завоевав для себя отечество, отстояли его от всех врагов; поэтому только в нашей стране, навсегда освобожденной от эксплоататоров, трудящиеся массы могли высоко поднять знамя подлинно народного патриотизма—патриотизма советского.

Только в Советском Союзе трудящийся получил от революции материальное доказательство преимуществ социализма перед капитализмом. „Из всех рабочих революций,—говорил товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании стахановцев,—мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это—Парижская Коммуна. Но она существовала недолго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу благие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции“ [1].

Народы Советского Союза, которые под гениальным руководством великого Сталина уверенным шагом подымаются к высотам коммунизма, глубоко чтут

.....

[1] *Сталин*. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, стр. 16.

память героев и мучеников Коммуны. В числе других документов Коммуны и пожелтевшие листки, исписанные неровным почерком коммунаров-„рабкоров“, будут бережно сохранены как память о людях, обильно проливших свою кровь во имя дела, ныне восторжествовавшего в Советском Союзе.

* * *

Письма впервые опубликованы Институтом Маркса—Энгельса—Ленина в 1933 г.

Сборник составлен под редакцией *В. Адоратского.*

Для настоящего, второго издания пересмотрен и местами исправлен текст переводов, а также примечания; добавлен указатель имен.

Иллюстрации взяты из прессы и плакатов эпохи Парижской Коммуны, богато представленной в библиотеке и музее ИМЭЛ.

Февраль 1937 г.

ПИСЬМА

1

Гражданин отец Дюшен!

1. Почему на фасадах домов города Революции висит черный креп?[1] Разве их жители не удовлетворены видом батальонов, которые проходят каждый день перед ними?

2. Почему лакеи Жерменского квартала[2] и других позволяют себе быть реакционерами и обещают в будущем произвести свою подлую расправу над патриотами, которые не бежали в ряды версальцев и считают своим долгом оставаться здесь и защищать Республику?

3. Почему, чтобы приостановить большое кровопролитие, не пошлют заявить версальцам, что если палата не распустит себя в течение 24 часов, то к вечеру будет расстреляна первая половина заложников, а в последующие 24 часа—другая половина, не говоря о возможных последствиях?

4. Почему Коммуна так неэнергична?

С братским приветом *Ж. Ромэн.*

---

[1] Черный креп висел на парижских зданиях как знак траура по жертвам франко-прусской войны.

[2] Квартал, расположенный почти в центре современного Парижа, вдоль реки Сены. В эпоху Коммуны был населен преимущественно аристократией.

2

Добрый отец Дюшен!

Читая ежедневно вашу газету, мы с удовольствием отмечаем, как вы заботитесь о народных нуждах; но исполнение ваших прекрасных и справедливых декретов происходит не скоро. Я знаю, что наша славная Коммуна имеет много дел, но и народные нужды не терпят отлагательства; нужда дошла до крайних пределов. Посмотрите на мое положение. Я вам откроюсь, как отцу. Я не состою в законном браке, но люблю одного молодого человека, с которым живу в супружестве уже давно и в полном согласии. Злой рок судил, чтобы он был призван 26 июля как бывший солдат; он попал в плен под Мецом [1], его последнее письмо от марта месяца прислано из Везеля, в Пруссии; в нем он писал, что со дня на день ждет возвращения. С тех пор писем больше не было. Какое горе! Я знаю его чувства и убеждения. Он скорее позволит себя расстрелять, чем станет стрелять по Парижу. Он в душе—республиканец, и его отец в 48 году был сослан за свою приверженность к республике [2]. Я захворала от огорчения после его отъезда и три с половиной месяца пролежала в больнице; выписалась только 22 декабря. Я получала единственное пособие — 2 фунта хлеба в неделю. Я много страдала и мучилась и теперь дошла до крайней нищеты; нет ни денег, ни работы, лишилась хлебного пайка, обносилась, снесла в ломбард все,

Тот, кто владеет, и тот, кто ничего не имеет

Рисунок изображает буржуа в виде чорта с денежными мешками, спасающегося от лучей восходящего солнца — Коммуны, и рабочего, со спокойной уверенностью вступающего во владение миром.

Музей ИМЭЛ

что было: белье, черную шаль, которая иной раз так нужна, платье,—все пошло туда. Получилось так, что из нас двоих один отправился на войну, а я принуждена итти в богадельню. Особенно плохо то, что я, будучи больна, не смогу выкупить все это, а 1 апреля все вещи в ломбарде будут проданы, и я не смогу их вернуть, так как у меня нехватает даже средств для питания.

Я знаю женщин, которые не в большей мере оформили свой брак, чем я, и получают 75 сантимов в день, потому что их мужья состоят в национальной гвардии; а мой всегда был для меня настоящим мужем и оставался бы им и теперь, не будь войны [3]. И у меня нет ничего, я ничего не получаю и должна умирать с голоду. Ах, добрый отец Дюшен,—этого нельзя назвать ни равенством ни братством!

Прошу вас, дайте нам возможность расклеивать афиши от имени Республики, мы готовы умереть от снарядов. Мы имеем также право существовать под тем же самым солнцем; справедливость должна быть для всех, а не так, что одни имеют все, а другие ничего. Итак, 75 сантимов для всех или работу; выдать наши жалкие вещи и белье из ломбарда,—безразлично, когда бы они ни были заложены, а из украшений—только обручальные кольца. Все будут довольны,—ручаюсь вам за это [4]. Что касается кружев, драгоценностей и бриллиантов, то это бесполезная роскошь. Но ведь наши жалкие суконные платья ест моль в ломбарде! Затем, чтобы танцовать с вами карманьолу, мы желаем быть соответственно одеты; вы ведь заставляете танцовать ее до истощения; после этого мы разопьем под колоннадой полштофа за ваше здоровье, поспорим с вами и все же назовем вас отцом народа.

Еще один вопрос, который меня очень беспокоит,—поистине нет более несчастного существа, чем я в настоящее время; с моего домовладельца требуют уплаты

налогов, а он в свою очередь требует денег с меня. У меня же—ни гроша, вот отчаяние! Я вас умоляю, скажите нам, что делать; мы надеемся только на вас, чтобы выпутаться из этого затруднения.

С братским приветом гражданка *Ф. Роз-Пренс.*

Бульвар де-ла Вилетт.

---

[1] Франко-прусская война началась 19 июля 1870 г. После ряда проигранных сражений первая французская армия Базена была отброшена к стенам крепости Мец, где Базен заперся со всей армией; 27 октября Базен сдался пруссакам.

[2] 23—26 июня 1848 г. в Париже произошло восстание рабочих. Восставшие были разгромлены армией и буржуазной национальной гвардией. В этих боях со стороны пролетариата пострадало около 30 000 человек, из них около 10 000 убитых и расстрелянных без суда. Затем последовали тысячами суды, тюремные приговоры и высылки побежденных инсургентов.

[3] В короткий период своего существования Коммуна провела ряд декретов по социально-бытовым вопросам, в частности по вопросу о семье. 10 апреля был издан декрет об обеспечении вдов, детей и родственников национальных гвардейцев, погибших на фронте; важной чертой этого декрета является то, что он не делал никакого различия между „законнорожденными“ и „незаконнорожденными“ детьми. Следующим шагом в этом отношении был декрет 17 мая, который уравнивал „незаконных“ жен национальных гвардейцев с „законными“ при выдаче пособий.

[4] Одним из первых декретов Коммуны был декрет об отсрочке продажи заложенных в ломбарде вещей (29 марта). Декрет гласил: „Парижская Коммуна декретирует: продажа вещей, заложенных в городском ломбарде, приостанавливается“. 6 мая Коммуна издала декрет о выдаче заложенных в ломбарде вещей. Параграф 1-й декрета гласил: „Парижская Коммуна декретирует: 1. По квитанциям городского ломбарда, выданным ранее 25 апреля 1871 г., на принятые в заклад вещи, одежду, мебель, книги, постельные принадлежности и рабочие инструменты, на которые были выданы ссуды не свыше 20 фр.,—начиная с 12-го текущего месяца будут выдаваться заложенные вещи“.

3

Париж, 20 жерминаля 79 г.[1]

Гражданин!

Прочел ваши последние номера,—в которых помещены статьи против попов,—с чувством живого удовлетворения, которое еще более усилилось после ознакомления с декретом Коммуны об отделении церкви от государства[2]. Я говорил себе так: „Они не смогут давать своих обезьяньих представлений по воскресеньям“, и я ждал, что они вот-вот очистят церкви; но—пусть обратят на это внимание—декреты издаются, но не приводятся в исполнение, и на деле попы продолжают собирать золото в помещениях, которые им уже не принадлежат. Между нами говоря, разве церкви, как собственность государства, не должны были бы служить помещением для собраний и для голосований—вместо того, чтобы служить гнездом для зловещих птиц, разлетающихся при виде ружья?

Поэтому прошу вас внести в Коммуну предложение через вашу газету, которая широко распространена; уверен, что мое предложение найдет много сочувствующих, и через несколько дней мы будем иметь удовольствие видеть, как все эти презренные попы будут разыгрывать свои комедии на площадях, среди толпы, которая будет бросать им подаяние; или пусть арендуют лавки, и пусть старые, глупые женщины приходят к ним туда исповедываться и кутить с ними,

как им будет угодно. Или пусть им сдают церкви в аренду, как вы предлагали в вашем последнем номере, и заставят их платить налог на окна и двери и все патенты, как платят простые граждане.

Я узнал, что национальные гвардейцы кое-что поотобрали у сестер серого ордена [3], но это меня мало заботит. Зато, когда я узнал, что они сделали то же в госпитале, меня это рассердило окончательно. Как вам не стыдно грабить госпитали? Ведь вы разоряете не этих потаскух-сестер, а самих себя. Ведь когда вы захвораете, вы нигде не найдете помощи, и вас выгонят из дому, как заразу. Будь я на вашем месте, я бы прямехонько направился к [собору] богоматери [4]. Во-первых, там кое-что есть, и не опасно, а во-вторых—это лучше, чем грабить самих себя, потому что не богатые нуждаются ведь в госпитале, а бедняки.

Братский привет.

Гражданин *Марк Пешар.*

Предместье Пуассоньер, № 82.

[1] 9 апреля 1871 г. Здесь употреблено летосчисление, введенное в эпоху французской буржуазной революции XVIII в., которое приняло день 10 августа 1792 г., день свержения монархии, как первый день первого года республики. Назначенный Коммуной незадолго до ее падения Комитет общественного спасения ввел в употребление это летосчисление.

[2] 2 апреля Парижская Коммуна издала декрет об отделении церкви от государства. Декрет гласил: „Парижская Коммуна, принимая во внимание, что первым принципом Французской республики является свобода; что свобода совести является главнейшей из свобод; принимая во внимание, что бюджет религиозных исповеданий противен этому принципу, так как облагает налогами граждан против их убеждения; принимая во внимание, что духовенство участвовало в преступлениях монархии против свободы,— декретирует: 1. Церковь отделяется от государства. 2. Бюд-

Благословение Господа

Под карикатурой текст: „Мои дорогие дочери, я счастлив сказать вам, что за этой оградой все вы преисполнены благодати Господа!“

Музей ИМЭЛ

жет исповеданий упраздняется. 3. Так называемые церковные имущества, принадлежащие религиозным общинам,— как движимые, так и недвижимые,— объявляются национальной собственностью. 4. Немедленно организуется обследование этих имуществ для выяснения их характера и для передачи их в руки народа".

[3] „Сестры серого ордена", или „сестры милосердия",— большой женский монашеский орден (основан в XVII в.), занимавшийся „воспитанием" бедных девушек, подброшенных детей, сирот, а также поставлявший сиделок для госпиталей. Орден владел большим количеством учреждений призрения.

[4] Во французском тексте „Notre Dame". Речь идет об известном старинном соборе Парижской богоматери, так называемом „Нотр дам де Пари".

4

16 апреля 1871 г.

Гражданин главный редактор!

Посылаю вам несколько нижеследующих размышлений, которые, вероятно, оставляют желать многого, но, может быть, вы все же могли бы их напечатать, внеся те изменения, которые вам покажутся нужными, хотя бы для того, чтобы показать, как относятся рабочие Парижа к версальскому правительству.

Версальские бандиты и Коммуна!

Кто из двух победит—правительство ли Версаля, посылая полицию и жандармов против права, или Коммуна, посылающая свою республиканскую армию против сил гнусного правительства изменников, которое не сумело снять блокаду с Парижа при помощи той армии, которую оно считает теперь достаточно сильной, чтобы его блокировать? Больше того—они хотят привести парижское население в самое беспомощное состояние, перехватывая всю корреспонденцию и перерезав линии железных дорог.

Все трусливые роялисты, легитимисты и бонапартисты [1] соединились, чтобы разрушить Республику, и когда они ее убьют,—они снова начнут гражданскую войну ради одного из тех негодяев, которого они хотят возвести на трон.

Республиканцы! Будем бодрствовать. Не допустим убийства Республики в третий раз [2], так как все они

способны на то, что осмелился сделать коршун в декабре 1851 г.

Снова начнутся понтоны[3], расстрелы, высылки, бедствия и позор для всех.

Если Коммуна победит, мастерские откроются, свобода будет обеспечена и спасено право жить работая.

Граждане, разве вы не видите, как все эти бандиты сговариваются, чтобы умертвить наших жен и детей? Неужели мы будем дальше терпеть гнусность этих презренных? Нет, нет! Самые робкие возьмутся за оружие, и все мы устремимся на этих бандитов, предводителями которых являются Галлифе и Мак-Магон.

К оружию, парижане! Будем помнить, что мы должны спасти Республику. С нею Франция будет великой и процветающей, а при монархии Франция будет навеки унижена и уничтожена.

Примите, гражданин редактор, уверения в моем уважении и братский привет.

Этьен Альбран—рабочий бумажного производства.
Улица Стефенсона, 15.

---

[1] Роялисты (от слова roi — король) — сторонники королевской династии Бурбонов, свергнутой народным восстанием 10 августа 1792 г., восстановленной европейской контрреволюцией в 1815 г. и вновь свергнутой июльской революцией 1830 г. Сторонники Бурбонов назывались и легитимистами, так как они считали, что только Бурбоны имеют законное („легитимное“) право на французский престол, а посаженные на престол буржуазией во время революции 1830 г. Орлеаны являются „узурпаторами“. Легитимисты представляли интересы помещиков, тогда как орлеанисты представляли главным образом интересы крупной финансовой и торговой буржуазии. Бонапартисты — приверженцы династии Бонапартов.

[2] Республика, возникшая в результате Парижской революции 4 сентября 1870 г. после свержения Наполеона III, была третьей по счету французской республикой. Первая

французская республика была создана во время французской буржуазной революции XVIII в. и просуществовала до переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), произведенного Наполеоном I. Вторая республика возникла как результат февральской революции 1848 г. и просуществовала до 2 декабря 1851 г., когда Луи-Наполеон Бонапарт уничтожил ее с помощью государственного переворота.

[3] *Понтоны* — особые суда для устройства временных плавучих мостов. В XIX в. старые суда часто употреблялись в качестве плавучих тюрем, в частности при подавлении июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г.

5

XIV округ. Четверг, 19 апреля 1871 г.

Гра́жданин!

Необходимость требует, чтобы эта братоубийственная борьба закончилась и чтобы Коммуна не преступила прав, которых требуют все добрые республиканцы: полной свободы обсуждений и оценки; не надо закрывать газет[1]; предоставим каждому смотреть на положение с точки зрения, кажущейся ему истинной; надо уважать все мнения, высказываемые в таких достойных уважения формах. Я требую полной свободы!

Однако необходимо, чтобы каждая газета, какого бы мнения она ни держалась, выражала свои взгляды, не искажая истины; при этом условии я допускаю неограниченную свободу прессы. Пусть она дает оценки и высказывает свое мнение, но не надо лжи. Если каждая газета будет обсуждать наше положение, не внося страстности и придерживаясь только истины, то из этого разбора и свободного обсуждения должна родиться истина.

Надо обратиться с последним призывом к провинции. Париж, население которого только на одну треть состоит из провинциалов, представляет всю Францию в борьбе против тех, кто в течение 20 с лишним лет противился признанию их прав[2]. Однако он опирается на разумное признание и не хочет навязывать свою волю провинции. Париж (говоря Париж, я

разумею Коммуну) стремится к благоденствию всех французов, которые скоро станут братьями народов всей Европы, уставших нести ярмо деспотизма.

Придет день, и этот день уже близок, когда все народы поймут, что человек должен жить на доход от честного труда; не будет более безумных и несообразных окладов, каждый будет получать по своим заслугам. Не нужно, чтобы страдающий класс истощал свои силы в пользу эксплоатирующего класса. Республика не может желать, чтобы ее сторонники умирали от голода в то время, когда бесчестные преступники упиваются плодами их тяжелой работы.

Всякий труд должен быть производительным; теперешний доход на собственность, доходящий в среднем до 27%, противоречит всякой нравственности.

Настанет день, когда народ, который теперь угнетает нас (Пруссия), почувствует, подобно нам, необходимость сбросить с себя ярмо, и мы, ныне угнетенные, должны взять на себя обязательство протянуть ему руку помощи.

Надо, чтобы Коммуна, путем издания декрета, который будет одобрен всеми добрыми республиканцами и истинными друзьями человечества, постановила:

1) Все прежние *чиновники*, вступившие на государственную службу начиная с 2 декабря 1851 г., лишаются политических прав.

2) Их движимое и недвижимое имущество будет конфисковано и продано как национальное имущество, а деньги, полученные за него, пойдут в первую очередь в пользу разоренных департаментов, а затем в пользу вдов и сирот—жертв наших внутренних раздоров. Остаток позволит Республике уплатить значительную часть контрибуции, навязанной нам правительством национального позора [3].

Что бы ни случилось, не надо допускать насилия; конфискация будет законной и мотивированной; будет

провозглашена свобода совести, прессы, мысли и обсуждения.

Докажем членам версальского правительства, что путь от Капитолия до Тарпейской скалы не длинен[4]. Вот имена, которые будут преданы проклятию всех грядущих времен: Тролонг, Дювьеви, Дюкро, Ладмиро, Тьер, Жюль Фавр, Оливье, Пикар, Де-Фаи, Галлифе, Эсперан де-ла-Виллебуане, Мак-Магон и прочие.

Предпочтительнее было бы, чтобы террор вернулся на несколько дней[5]; пусть лучше будет пролита кровь немногих людей, достойных презрения, в противном случае эти люди, пощаженные нами, прольют кровь 10 000 отцов семейств, готовых умереть за лучшее будущее своих семей.

Дайте дорогу чести! И если бы даже Париж погиб под грудой пепла, мы докажем бесчестным версальцам, что мы, люди сердца, умеем умирать за священное для нас дело.

Пусть больше не будет скандальных окладов; дорогу истинному мужеству, и прежде всего—хлеб, убежище и бесплатное и обязательное обучение для детей.

---

[1] Одной из ошибок Коммуны было либеральное отношение к контрреволюционной прессе. Коммуна от случая к случаю закрывала те или иные контрреволюционные газеты, но систематической борьбы с ними не вела. Закрытые газеты опять появлялись под другими названиями и вели свою контрреволюционную работу. Это либеральное отношение объяснялось тем настроением, которое господствовало в Коммуне в течение первых недель ее борьбы с Версалем. Коммуна более решительно начала вести борьбу со своими врагами. Одним из таких шагов было издание декрета от 18 мая о закрытии десяти контрреволюционных газет, а также закрытии школ, содержимых религиозными общинами. Но этот шаг был сделан слишком поздно. Через три дня после упомянутого декрета версальцы вступили в Париж.

[2] Автор письма имеет в виду эпоху Второй империи (1851—1870). Империя Наполеона III была, по выражению Маркса, „господством сабли и сутаны" (поповской рясы) и возникла в результате поражения парижского пролетариата в июне 1848 г. Франко-прусская война 1870 г. привела к разгрому Второй империи.

[3] „Правительство национальной измены" привело Париж к капитуляции 29 января 1871 г. 26 февраля помещичье законодательное собрание в Бордо ратифицировало предварительный мирный договор с Германией; окончательный текст был подписан во Франкфурте 10 мая. По Франкфуртскому договору Франция уступала Германии Эльзас и часть Лотарингии и обязалась выплатить в течение 4 лет 5 миллиардов контрибуции.

[4] *Капитолий* — цитадель и храм в древнем Риме, где происходили важнейшие государственные церемонии, вроде чествования победителей и т. д. *Тарпейская скала* — крутая скала недалеко от Капитолия, с которой сбрасывали изменников.

[5] Автор имеет в виду режим революционного террора в эпоху французской буржуазной революции XVIII в. Этот период продолжался со дня падения жирондистов (31 мая 1793 г.) до 9 термидора (27 июля 1794 г.) и был вызван необходимостью спасти при помощи энергичных мер Французскую республику от опасности внутренней и внешней контрреволюции. По своему классовому характеру эта диктатура была революционной диктатурой мелкой буржуазии.

6

Париж, 19 апреля 1871 г.

Дорогой гражданин Дюшен!

Я чертовски доволен вашим сегодняшним предложением по вопросу об арестах, реквизициях и обысках у частных лиц, производимых без разрешения Коммуны, потому что подобные явления дьявольски вредят [1]. У нас много подлых трусов и дураков, которые твердят: вот видите, я был прав, вот что представляет собою ваша Коммуна! Она несет с собою террор; и этим еще не кончится—нас всех ожидает такая же участь, подождите только.

Вчера на улице Бельвилль меня чуть не отхлестал тряпкой один знакомый (а он—честный человек), утверждавший эту глупость. Жаль, что я не знаю негодяя, который вбил ему это в голову, я бы ему расквасил нос. А мой трус может внушить эту мысль и другим таким же дуракам, как и он сам, и получится отвратительная клевета. Поэтому вы правы, когда со всей силой бьете по этому слабому месту; надо, чтобы проклятая Коммуна заставила себя хоть немного уважать; пора!

И пора ей стать настоящим правительством, потому что люди начинают ворчать, что дела идут плохо, чорт возьми!

Еще два слова.

На той же самой улице детина разглагольствовал перед одной афишей: вот видите, эта несчастная

Коммуна может говорить и делать, что угодно, ее не слушают, от нее отступаются; это было ясно на последних выборах: вы видели, сколько явилось избирателей [2].

Итак, мы рассчитываем на вас, чтобы наддать ей пару, как говорится, и подтянуть ее. Пусть она действует без всяких обиняков, но честно, чорт возьми, так, чтобы и те, кто не верит в нее, признали бы ее энергию. А коли нет,—так долой ее!

Ну, вот и все, прошу извинить меня.

Остаюсь вашим искренним почитателем.

С братским приветом *Ж. Б.*

Улица Жюльена Лакруа, Бельвилль.

Короче написать не мог. Мне надо будет написать вам еще по поводу здравоохранения в нашем округе, если комиссия будет бездействовать.

[1] 14 апреля Коммуна приняла следующий декрет: „Парижская Коммуна, принимая во внимание, что если благо Республики требует, чтобы все заговорщики и изменники были поставлены в условия, делающие их безвредными, то не менее важно предупреждать акты произвола или посягательства на свободу личности, декретирует:

1. О каждом аресте должно быть доведено до сведения делегата юстиции Коммуны, который лично или через своих помощников допрашивает арестованного и заключает его в тюрьму, если найдет, что арест должен быть оставлен в силе.

2. Всякий арест, о котором в течение 48 часов не сообщается делегату юстиции, считается незаконным, и произведенный арест подлежит судебной ответственности.

3. Обыски и реквизиции могут производиться лишь по распоряжению надлежащих властей и их непосредственных органов, снабженных полномочиями, выданными учреждениями Коммуны. Виновные в произвольных обысках и реквизициях подлежат аресту".

Военное величие и военное рабство

Карикатура изображает генерала Трошю, пресмыкающегося у ног германского императора. Под карикатурой надпись: „Ах, господин император Вильгельм, какая честь, какая честь! Я — ваш покорный слуга".

Музей ИМЭЛ

[2] Выборы Коммуны состоялись 26 марта. Количество избирателей по спискам было 485 569, участвовало в выборах 229 167, или 47%. Всего было избрано 85 членов Коммуны. В первые же дни после выборов 17 членов Коммуны, избранных в наиболее буржуазных округах Парижа и принадлежавших к контрреволюционным группировкам, сложили полномочия. Затем двое (Дюваль и Флуранс) были убиты версальцами, несколько человек Коммуна сама удалила из своей среды (двое из них оказались бывшими полицейскими агентами), так что к 5 апреля налицо было только 58 членов Коммуны. Поэтому Коммуна назначила дополнительные выборы, которые состоялись 16 апреля. Явилось очень небольшое количество избирателей,— около 40% того числа, которое явилось в тех же округах 26 марта, а в буржуазно-аристократических кварталах, в которых преимущественно и были назначены дополнительные выборы, явилось меньше одной трети голосовавших 26 марта. Слабое участие в выборах объясняется тем, что буржуа бойкотировали Коммуну, а пролетариат был поглощен защитой Парижа от версальцев. Коммуна утвердила избрание 22 новых членов. Дополнительные выборы были ошибкой, допущенной под влиянием мелкобуржуазных настроений и взглядов большинства членов Коммуны, все еще цеплявшихся за формальную законность. Газета „Отец Дюшен" настаивала на срочности дополнительных выборов 10 апреля она писала, что „откладывать выборы — это больше, чем преступление, это — ошибка".

7

Париж, 20 апреля 1871 г.

Гражданин редактор!

Зная ваш патриотизм, сообщаю вам следующие факты:

Почему Коммуна не возьмется за большое орудие, именуемое Жозефиной, которое могло бы очень понадобиться?

Каким образом некоторые члены Коммуны во время войны с Пруссией могли проповедывать в революционных клубах применение динамита, греческого огня [1], разрывных снарядов, а с тех пор как они появились у власти, они сразу замолчали обо всем этом? Прошу вас напомнить им.

Один человек, ездивший навестить своего сына в Шатильон [2], сообщил следующие факты: на возвышенностях Медонского леса ставятся сильные батареи, которые будут обстреливать наши южные форты.

Линейные солдаты, раздраженные против нас, говорили ему, что уже несколько дней всех, кто нам сдается, мы якобы расстреливаем. Надо разоблачить эту ложь.

Разве Коммуна намерена действовать по плану Трошю? Побольше энергии. В состоянии ли вышка „Мулен де Монмартр“ открыть огонь по Аньеру и лесу Коломб? [3] При желании она могла бы это сделать.

Братский привет. Один из ваших ревностных читателей

Юзеб.

Ул. Клуа, № 14.

Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!

---

[1] *Греческий огонь* — горючая жидкость, употреблявшаяся в средние века при защите крепостей.

[2] *Шатильон* — селение и форт в 5 км. к югу от Парижа. *Медонский лес* — в 7 км. к юго-западу от Парижа, вблизи селения Медон.

[3] *Монмартр* — один из северных кварталов Парижа. *Аньер* — селение в 3 км. к северо-западу от Парижа. *Коломб* — селение в 7 км. к северо-западу от Парижа.

8

Париж, 20 апреля 1871 г.

Гражданин редактор!

Я республиканец и литератор, а значит—вдвойне беден. Я работаю уже 50 лет, но от этого еще не разбогател.

Позволяю себе приложить к этому письму написанные стихи. Если вы их найдете достойными появления в печати, то я предложил бы вам следующее: тираж 20—30 тысяч, по 10 сантимов за номер; две трети чистой прибыли будут распределены через ваше посредство между несчастными семьями национальных гвардейцев, предательски убитых кровожадными версальцами, именуемыми жандармами, полицейскими, филерами и всей остальной шушерой (одного поля ягода); остающаяся треть пойдет на удовлетворение моей нужды, достигшей крайнего предела (даже хлеба нет!).

Я также написал песенку из восьми куплетов, один экземпляр которой вам посылаю и которую можно издать на тех же условиях. Посылаю вам также два куплета гимна, носящего заглавие „*Новая Марсельеза мира*“ [1].

Прочтите благосклонно мои вирши, и если не найдете в них достоинств, то примите во внимание желание помочь семьям несчастных жертв

Шут-пигмей

Музей ИМЭЛ

зверств, совершаемых низкими прислужниками деспотизма.

Бывший преподаватель английского, испанского и итальянского языков с 45-летним стажем.

Предлагаю Коммуне открыть бесплатно курсы этих языков для сирот обоего пола убитых национальных гвардейцев. Знание языков будет им подспорьем в будущем и даст возможность вскоре установить братство между народами.

Отвечайте поскорее.

Шлю горячий братский привет.

Е. Тринитюс.

Авеню Сент-Антуан, № 63.

ПИГМЕЙ [2]

(Поется на мотив песни: „Ростом мал он".)

Ростом мал он, водолей,
По прозванию „пигмей
Из Марселя",
Между тем за королей
Он, крикливый гнус, бывало,
Грудь надсаживал не мало.
„Отвратительный пигмей!
Скоро ль ты умолкнешь, что ли?"—
Думал каждый поневоле.
По гнуснейший водолей,
По прозванию пигмей,
Что за королей, бывало,
Грудь надсаживал не мало,
За империю потом
Стал работать языком.
Каждый думал поневоле:
„Скоро ль ты умолкнешь, что ли,
Омерзительный пигмей?"

МАРСЕЛЬЕЗА МИРА

(Эту песню можно петь на хорошо известный мотив „Марсельезы“ или на другой мотив, сложенный автором этих слов, у которого он и находится.)

Куплет первый

Вдали вздымается волна.
Глядите, как она громадна!
Гонима Разумом, она—
Хоть медленна, но беспощадна.
Поток ревет, как Аквилон,
Несущий смерть и разрушенье,
В нем крик народа заключен,
Что поднял знамя возмущенья.
Вставай, народ!
На бой вперед!
Смети тиранов,
Поток гражданский!

Куплет четвертый

Мы отрекаемся навек
От августейшей благостыни;
Простой, но честный человек
Пусть правит Францией отныне,
Пусть добродетелью своей
Он всех спаяет нас, французы!
На этом свете всех сильней
Взаимного доверья узы.
Вставай, народ! и т. д.

Куплет пятый

Кто любит Францию, как мать,
Пускай ей будет верным сыном.
Чтобы отчизну защищать,
Солдаты, право, не нужны нам.

Все за оружие! Долой
Отчизны бедной лиходеев
С их раззолоченной толпой
И генералов и лакеев!
Вставай, народ! и т. д.

[1] Автор письма прислал только первые два куплета первой песенки, а из „Марсельезы“ — первый, четвертый и пятый куплеты.

[2] Под кличкой „foutriquet“ — карлик, пигмей — был известен палач Парижской Коммуны — А. Тьер. Во время революции 1830 г. Тьер поддерживал кандидатуру Луи-Филиппа Орлеанского на французский престол, боролся за торжество реакции; в 1848 г. сначала выступил за республику, затем поддерживал президентство Бонапарта; после декабрьского переворота 1851 г. был изгнан из Франции, но вскоре вернулся и находился в умеренной оппозиции к империи. Был избран Национальным собранием 1871 г. главой исполнительной власти. Руководил подавлением Коммуны.

9

Париж, 20 апреля 1871 г.

Гражданин!

Ввиду того, что вы пишете такие хорошие статьи в вашей уважаемой газете, разрешите мне сообщить вам несколько фактов, происходящих в женских монастырских общинах и сиротских домах[1]. Я не в состоянии как следует использовать нижеследующие удручающие факты. Это вам, доброму патриоту, надлежит использовать их так, чтобы они принесли очень большую пользу всему обществу и в особенности многим семьям, у которых эти волчицы, похищающие столько молодых девушек и приводящие в отчаянье семьи, отняли их дорогих детей.

Монастыри и сиротские дома, это—гибель для девушек, отчаянье семей; это—горе для одной части общества; это—убежище порока, лени, ничтожества; здесь скрываются гнусные поступки, совершенные в обществе, и почти всегда существует самая ужасная безнравственность, скрываемая и спрятанная под обманчивой видимостью высокой нравственности и религии; это покров, скрывающий столько гнусности! В эти презренные дома поочередно входят и выходят ленивые, жадные и безнравственные девушки; здесь процветает дурной пример, здесь таится причина охлаждения к доброй нравственности. В этих подлых домах, чтобы завладеть молодыми девушками, учат их ненавидеть и презирать своих родных и все

общество, невзирая на гражданские законы и нежные чувства бедных молодых девушек, которые находятся под замком этих печальных домов против своей воли и воли своих родителей. При этом я уже не говорю о тех, которых эти волчицы похищают из среды их родных и которых безутешные родители ищут и не могут найти. Мы знаем несколько семей в таком ужасном и печальном положении, у которых монастырские сестры и сестры сиротских домов похитили детей, как коршун похищает и пожирает свою добычу! Есть еще полумонашеские сестры, жилища которых называют подозрительными домами. Эти сестры заняты тем же самым делом. Столица—прекрасный Париж отравлен этими дьявольскими домами, такое их множество! Во всех таких позорных домах завладевают трудом честной работницы, которая принуждена продавать свою честь, чтобы жить. Какое отчаяние, какой позор для всех честных людей, какая проказа для всего общества! В этих домах учат детей лжи и двуличию под видом наивности и откровенности... В монастыре царят гордость и вражда. Здесь деспотизм против слабого проявляется в самых жестоких и насильнических формах. Каторга в сто раз предпочтительнее, чем все эти дома. На каторге встречается непосредственная и подлинная искренность, в монастырях лицемерие и предательство всегда преднамеренны, всегда подобны поцелую Иуды. Монастырь для религии—то же, что театр для общественной жизни: самые непомерные преувеличения. Несчастная девушка, которая подло покидает своих родителей, чтобы итти в эти проклятые дома,—тигрица и пантера! Проклятие этому неразумному животному и стократное проклятие этим волчицам, которые хитростью отвратили ее от своей семьи, от бедных родителей, для которых она была часто единственной надеждой, единственным утешением и поддержкой в преклонном возрасте. Мы знаем

несколько семей, в которых молодых девушек совратили и похитили из их семьи, от их дорогих родителей эти прожорливые волчицы, эти хищницы, именуемые монахинями. О, эти чудовища!!!

Дорогой гражданин, приготовьте, умоляем вас, статью с солью и перцем. Вы окажете этим огромную услугу обществу и в особенности большому числу семей, убитых горем, которые ищут своих бедных детей, которых эти чудовища тщательно прячут и не дают им писать. Это—нестерпимое, ужасное положение; надо швырнуть всех этих чертовок в Сену или сжечь их в их убежищах.

Братский привет.

Тысячу раз извините за назойливость.

Жюль Мэтр и несколько друзей.

Париж, улица Серен, 40.

Простите наши каракули, мы не больно ученые.

P. S. Мы знаем старика 73 лет, совсем, совсем одинокого, почти без средств, больного,—и эти волчицы, эти хищницы отняли у него его молодую дочь, единственную опору и единственную надежду. О, эти ужасные чудовища, эти грязные чертовки, эти распутницы и старые дряни!

Гражданин, содержание этой записки—сущая правда.

---

[1] По данным 1865 г., во Франции было 300 монашеских орденов, которые владели несколькими тысячами учреждений. Среди них было особенно много „воспитательных"; воспитание сирот, детей и девушек велось в религиозном духе и находилось в руках монахов и монахинь, а также так называемых „полумонашеских сестер", которые жили в обыкновенных общежитиях, а не в закрытых монастырях.

10

Париж, 21 апреля 1871 г.

Гражданин Дюшен!

Вот какое соображение приходит мне в голову. Ведь вы не можете думать обо всем решительно. Вот что я хотел вам сообщить: нужно пойти во дворец Клюни[1], взять оттуда престол из массивного золота и золотые венки, находящиеся в витринах, и переплавить их, чтобы сделать хорошие монетки по 20 франков. Надо использовать также позолоту с купола Дома Инвалидов[2]. Вот что мне надо было вам сообщить.

Братский привет всем нашим братьям.

Марешаль.

---

[1] Дворец Клюни, построенный в XV в., был до буржуазной революции XVIII в. одним из богатейших монастырей Парижа. Революция отняла у монастыря здание и передала его в частные руки. С 1833 г. во дворце был размещен музей прикладного искусства, в котором было собрано огромное количество предметов убранства богатых домов — ковры, образцы роскошных материй, мебель, серебряные и золотые ларцы XIV—XVI веков, утварь, а также предметы церковной утвари.

[2] Дворец Инвалидов в Париже — огромное здание, построенное в 1673 г.; его частью является собор, известный своим громадным позолоченным куполом (105 метров высоты). Дворец представляет собою военный музей.

11

Париж, 27 апреля 1871 г.

Старый отпрыск отца Дюшена!

Помнишь ли ты, старина Дюшен, ту тираду, которую ты поместил против попов (около 80 лет тому назад)[1] и в которой ты писал между прочим: «Зачем епископы и аббаты имеют доходы по 400, 200 и 150 тысяч ливров? Разве не для того, чтобы их стол был еще более лакомым, чем у короля? Не для того ли, чтобы иметь прекрасные экипажи, бешено играть в азартные игры и содержать балерин из Оперы, которые одеваются роскошнее герцогинь?..» И ты добавил к этому следующее: «Эти клобуки полны самомнения, потому что они все это получают за то, что бездельничают и гнусавят несколько молитв, от чего ни злаков не прибавляется, ни хлеба не убавляется,—и так далее, в том же роде.

Ну, а теперь тебе не безызвестно, что все эти попы в маленьких коммунах Франции ведут борьбу не на живот, а на смерть против Парижской Коммуны из-за того самого декрета об отделении церкви от государства, который доставил тебе столько удовольствия и за который ты опорожнил столько чарок. Ты прекрасно знаешь, что эти плуты признают Коммуну не больше, чем своих незаконных детей, и не применяют в провинции этого декрета, пользуясь невежеством и суеверием, которые они поддерживают среди этих бедных простодушных крестьян.

Капитулянты

Карикатура изображает Париж в виде пленницы, которую капитулянты — Трошю, Жюль Фавр и Тьер ведут в лагерь пруссаков.

Музей ПМЭЛ

Вот что пишет мне из провинции мой друг, которому я послал твою газету. От нее вся деревня помирала со смеху, но немало народу и призадумалось. У них появились мысли и некоторые наблюдения; не надо забрасывать эту добрую почву. Некоторые даже пообещали, что, как только версальцы забьются опять в свои норы, они пошлют тебе своего доброго вина. Что, старый лакомка, небось, у тебя потекли уже слюни?

А вот тебе и факты. Один священник из-под Амьена составил тариф на свою работу в лавочке молитв (факт установлен точно и происходил в названном месте). Обряд крещения совершается по трем разрядам: за первый—20 фр., за второй—12 фр. и за третий—8 франков. В ответ на удивление крестьянина, поп, сообщая ему цены на свой товар, сказал поучительно: „Виной тому Парижская Коммуна, нам тоже надо жить. Вы нас не слушали, когда мы указывали, куда она вас приведет с этим отделением церкви от государства [2], а теперь, миляга, тебе придется платить за все“. Проклятый ханжа! Вот к какому злу приводит невежество. Если бы крестьянин разбирался, он не стал бы возмущаться республиканскими принципами и декретами Коммуны. Видишь, старина, что получается и что проделывают эти бритые макушки; они возбуждают крестьян против Парижа. О, они являются достойными сынами Лойолы и всегда таковыми будут!

А вот и по поводу твоего гнева на домовладельцев. Один домовладелец отказался выдать моему приятелю квитанции за три взноса квартирной платы единственно с той целью, чтобы потом вторично потребовать с него второй или третий взнос.

Тебе известна недобросовестность и злоба этих торгашей кровлей, как будто у Коммуны нет законов и справедливости для всех, и в том числе для домовладельцев.

И раз уж ты суешь твой нос повсюду, то распей бутылочку с расклейщиками афиш и скажи им, чтобы они употребляли побольше клея для афиш о национальной гвардии, потому что эти афиши очень длинны. Я видел, как один патриот должен был придерживать афишу, чтобы иметь возможность ее прочитать и чтобы ее не сорвало ветром. Ты понимаешь, что если бы какой-нибудь версалец из шайки Тьера прошел мимо нее, он ее сорвал бы в один миг, а если все углы приклеены хорошо, то сорвать уже трудно.

Да урезонь еще раз этих чертовок, жен национальных гвардейцев, которые удерживают своих мужей дома, разнося в то же время всевозможные тревожные слухи и всякий вздор, который распространяют предатели.

Подталкивай постоянно членов Коммуны, чтобы они не дремали и не давали залеживаться своим декретам. Пусть они всегда избегают личных дрязг, так как тогда между ними будет согласие и у них будет больше силы для защиты Коммуны, чем своей персоны [3].

Не пришлешь ли мне, дружище Дюшен, твой № 6? У меня его нехватает, а иметь его хочется [4]. Не сердись, что я тебя называю на ты и позволь мне быть тебе полезным и указывать время от времени на ошибки, упущения и всякие злоупотребления.

С братским приветом

Пришей Дотье.

Улица Бишa, 6.

---

[1] Автор письма имеет в виду газету „Отец Дюшен“ эпохи французской буржуазной революции XVIII в.

[2] См. примечание 2-е к письму № 3.

[3] Автор письма намекает на раскол в Коммуне на „большинство“ и „меньшинство“. К концу апреля, когда

обнаружился ряд крупных военных неудач Коммуны, члены Коммуны, бланкисты и якобинцы, потребовали создания чрезвычайного диктаторского правительства под названием „Комитет общественного спасения“. Прудонистская часть Коммуны в числе 17 человек голосовала 1 мая против учреждения „Комитета общественного спасения“ как против „диктаторской власти, ослабляющей Коммуну и узуршрующей права самого народа“.

[4] № 6 газеты „Отец Дюшен“, первый после провозглашения Коммуны, вышел 20 марта и был немедленно раскуплен.

12

Париж, 2 мая 1871 г.

Гражданин отец Дюшен!

Я только что прочел во вчерашнем номере вашей газеты статью по поводу отмены ночной работы булочников[1] и чертовски рад за них.

Мне хотелось бы, чтобы вы немного ознакомились со службой железнодорожников. Я—старый железнодорожный служащий, работаю уже 20 лет на Орлеанской ж. д., и всю мою молодость отдал на то, чтобы работать день и ночь по 18 и 20 часов в сутки, зарабатывая 1 фр. 50 с. в день, или 45 франков в месяц. Я начал с должности носильщика и получал 1 фр. 50 с. в день. Мог ли я прокормить на это свою семью? Приходилось протягивать руку пассажирам, т. е. просить милостыню. Если же пассажир не оказывался щедрым, приходилось подтягивать живот. Значит, надо сделать так, чтобы пассажиры оплачивали железнодорожных носильщиков. А тут еще расклеивают на стенах вокзала объявления: «Носильщикам особой платы за услуги, оказываемые пассажирам в стенах вокзала, не полагается!»

Полмесяца мы работаем днем, полмесяца ночью, с 4½ часов вечера до 7 или 8 часов утра: разгружаем поезда, возим товары, без отдыха, как каторжные. За малейшую ошибку берут штраф от 2 до 5 франков, причем мы даже не догадываемся о причинах

этих штрафов. Уверяю вас, что это чертовски трудно.

Другое дело—перейти на должность агента по развозке товаров. Сразу становишься богачом! По сперва надо внести 2000 франков залога и потом сразу начинаешь получать по 90 фр. в месяц, но из них надо оплачивать ломового, который развозит наш груз по городу. Компания заставляет нас платить ей по 75 сант. в день, так что нам остается только 90 сант. в день, причем мы отвечаем за пропажи и порчу, которые могут произойти на вокзале или в городе. Служба начинается с 3 часов утра, а кончается в 7—8 часов вечера. На ночевку надо отправляться в город. Случается, что за месяц оштрафуют на 20 франков. За пятиминутное опоздание по утрам—2 франка штрафа, а если проспишь час-другой—5 франков; в общем же набирается 10 франков.

Каждую неделю мы дежурим целую ночь напролет за ту же плату; я полагаю, что мы без преувеличения можем считать, что работаем день и ночь за 90 сантимов.

Если компании не настолько богаты, чтобы платить служащему по крайней мере 1200 фр. в год, пусть публика оплачивает служащих.

А какие они канальи—директора железных дорог! Они получают сотни тысяч франков вознаграждения, а низшие служащие работают для того, чтобы они отращивали себе брюхо.

Вдобавок вам, отец Дюшен, не известна щедрость компании Орлеанской ж. д. Во время осады Парижа она сформировала 251-й батальон и заставила служащих носить форму национальной гвардии. Тогда она взяла на себя расход по обмундированию; нам не известно, получила ли она его от города или сама оплатила. Но подумайте, теперь она заставляет нас оплачивать обмундирование путем удержания из нашего жалованья. Мы несли всю зиму охрану на

вокзалах, охраняя ее учреждения, и нам со дня на день обещали дать вооружение, но мы так и не получили никакого оружия. Мы работали и в фортах, и в лазаретах, и в хлебопекарнях, и притом не получали ниоткуда никакого пособия, которым пользуется национальная гвардия, как, к примеру, хлебный паек и 75 сант. в день на жену. Работали мы без всякой прибавки к жалованью. Нам бы очень хотелось знать, не имеем ли мы права на обмундирование, как и другие граждане, не носившие оружия. Ведь мы не виноваты в том, что нам не захотели дать оружия: мы его требовали достаточно.

Мы просим отца Дюшена сказать им правду в глаза; мы рассчитываем, что сможем обратить на это внимание Коммуны, когда она будет немного меньше занята этой версальской падалью.

Мы приносим заранее благодарность отцу Дюшену за добрый почин, который он сделает для нас в своей газете.

От имени всех развозчиков и носильщиков

гражданин *Россе*.

Бульвар де л'Оштель, 8.

Просьба не печатать подписи [2].

---

[1] Исполнительная комиссия Коммуны постановлением от 20 апреля отменила ночную работу рабочих-булочников. Постановление входило в силу с 3 мая; с этого дня работа в пекарнях начиналась не раньше 5 часов утра.

[2] Эта фраза написана в углу письма иным почерком, чем почерк автора.

13

КЛУБ РЕВОЛЮЦИИ

Краткий отчет о собрании, происходившем в церкви Бернара (Монмартр ла-Шапель) 24 флореаля 79 г.[1]

Около 3000 граждан и гражданок присутствует на собрании. Господствует полный порядок. В повестке дня—социальный вопрос и защита Парижа.

Было единогласно принято следующее предложение:

Ввиду того, что постоянно отмечаются большие злоупотребления в госпиталях, особенно в Божоне и в Неккере, где сестры милосердия оскорбляют защитников Коммуны как словом, так и действием, Клуб энергично требует от Коммуны удаления из госпиталей Парижа всех членов религиозных обществ и замены сестер милосердия гражданками.

По предложению Бюро Клуба собрание решает, что сбор с вечера должен быть направлен в пользу раненых в амбулаторию Элисе Монмартр. Сумма сбора—30 франков 80 сантимов.

Председатель *Шнейдер.*
Секретарь *Луи Авенель.*

---

[1] 14 мая 1871 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АВЕНЕЛЬ, ЛУИ – один из авторов корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 13 в настоящем сборнике).–77.

АЛЬБРАН, ЭТЬЕН – рабочий бумажного производства, автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 4 в настоящем сборнике).–20, 45.

БАЗЕН, АХИЛЛ-ФРАНСУА (1811–1884)–французский маршал, возглавлял одну из армий во время франко-прусской войны, предательски сдался со своей армией в плен в Меце.–38.

БИСМАРК, ОТТО (1815–1898) – прусский юнкер, с 1867 г. канцлер Северо-Германского Союза, в 1871–1890 гг. канцлер Германской империи, злейший враг рабочего движения и социал-демократии; помог версальцам подавить Коммуну.–15, 26.

БЛАНКИ, ЛУИ-ОГЮСТ (1805–1881).–12, 15, 19.

БОНАПАРТ, ЛУИ-НАПОЛЕОН – см. Наполеон III.

БОНАПАРТЫ–императорская династия во Франции (1804–1814, 1852–1870).–45.

БУРБОНЫ – королевская династия во Франции (1589–1792, 1814–1830).–45.

ВЕРМЕРШ, ЭЖЕН (1845–1878)–французский поэт и журналист, в 1871 г. бланкист и один из издателей газеты „Отец Дюшен“; после падения Коммуны, будучи заочно приговорен к смертной казни, эмигрировал в Лондон.–7, 17.

ВИЛЬОМ, МАКСИМ (1844–1925) – французский журналист, во время Коммуны один из издателей газеты „Отец Дюшен"; был, как и Вермерш, после падения Коммуны заочно приговорен к смертной казни, эмигрировал в Швейцарию.–7.

ВИНУА, ЖОЗЕФ (1800–1880) – французский генерал, командир одной из армий в 1870–1871 гг. во время осады Парижа, с 22 января 1871 г. главнокомандующий национальной гвардией, ввел смертную казнь, путем расстрела, для плennых коммунаров после вылазки 3–4 апреля.–7.

ВОЛЬТЕР, ФРАНСУА-МАРИ-АРУЭ (1694–1778) – крупнейший представитель французской просветительной философии XVIII в., сатирик и поэт.–22.

ГАЛЛИФЕ, ГАСТОН-АЛЕКСАНДР-ОГЮСТ (1830–1909) – французский генерал, один из руководителей версальской армии при подавлении Коммуны, жестоко расправлявшийся с пленными коммунарами.–45, 49.

ГЕЛЬВЕЦИЙ, КЛОД-АДРИЕН (1715–1771) – французский философ-материалист, автор книги „О духе", навлекшей на Гельвеция преследования правительства и сожженной по постановлению суда.–24.

ГОЛЬБАХ, ПОЛЬ-АНРИ (1723–1789) – французский философ-материалист, автор ряда трудов и памфлетов, в том числе „Системы природы".–22.

ДИДРО, ДЕНИ (1713–1784) – один из крупнейших представителей французской материалистической философии XVIII в., поэт и критик, главный редактор „Великой французской энциклопедии".–22.

ДОТЬЕ, ОНЕЗИМ-ПРИНЕЙ (род. в 1838 г.) – рабочий-седельщик, член французской секции I Интернационала, обвиняемый по первому процессу Интернационала (1868); автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен" (письмо № 11 в настоящем сборнике).–72.

ДЮВАЛЬ, ЭМИЛЬ-ВИКТОР (1840 – 1877) – рабочий-литейщик, бланкист; секретарь Парижского федерального совета I Интернационала. Член и генерал Коммуны. Зверски убит версальцами во время вылазки коммунаров на Шатильон 4 апреля.–55.

ДЮВЬЕЙ, А. М. (1802–1883) – крупный судейский чиновник, с 1865 г. член Сената, жестоко преследовавший революционное движение во Франции.–49.

ДЮКРО, ОГЮСТ-АЛЕКСАНДР (1817—1882) — французский генерал эпохи Второй империи, один из палачей Коммуны.—49.

Ж. Б. — автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 6 в настоящем сборнике).—52.

КОЛЬФАВРЮ, ЖАН-КЛОД (род. в 1820 г.) — французский журналист, издатель газеты „Отец Дюшен“ во время революции 1848 г.—7.

ЛАДМИРО, ЛУИ-РЕНЕ-ПОЛЬ (1808—1891) — французский генерал, сдавшийся в плен в Меце; вернувшись из плена, принял активное участие в борьбе против Коммуны.—49.

ЛЕНИН, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ (1870—1924).—5, 12, 15, 16, 19, 21, 22, 27, 29.

ЛОЙОЛА, ИНИГО (1491—1556) — основатель иезуитского ордена.—71.

МАК-МАГОН, МАРИ-ЭДМЕ-ПАТРИ-МОРИС (1808—1893)— маршал Франции. Во время франко-прусской войны, командуя стотысячной армией, сдался в плен при Седане; командовал войсками версальцев против Коммуны; в 1873—1879 гг.— президент республики по воле монархического большинства Национального собрания.—21, 45, 49.

МАРЕШАЛЬ — автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 10 в настоящем сборнике).—67.

МАРКС, КАРЛ (1818—1883).—5, 6, 12, 15, 16, 19, 25, 26, 27, 29.

МЕТР, ЖЮЛЬ — автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 9 в настоящем сборнике).—66.

НАПОЛЕОН I (1769—1821) — французский император (1804—1814).—46.

НАПОЛЕОН III (1808—1879)—французский император (1852—1870).—13, 25, 45, 46, 50, 63.

ОЛЛИВЬЕ, ЭМИЛЬ (1825—1913) — глава „либерального“ кабинета при Наполеоне III, ярый гонитель революционного движения во Франции.—49.

ОРЛЕАНСКИЙ, ЛУИ-ФИЛИПП (1773—1850) — французский король (1830—1848).—63.

ПЕШАР, МАРК — автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 3 в настоящем сборнике).—20, 40.

ПИКАР, ЛУИ-ЖОЗЕФ-ЭРНЕСТ (1821–1877) – французский адвокат, член „правительства национальной обороны“ (1870); вместе с Фавром вел переговоры о сдаче Парижа, был министром внутренних дел в правительстве Тьера.–49.

ПРУДОН, ПЬЕР-ЖОЗЕФ (1809–1865) – французский мелкобуржуазный экономист, один из основоположников анархизма.–19.

РЕГАМЕ, ФРЕДЕРИК (род. в 1851 г.) – французский художник.–7.

РОЗ-ПРЕНС – автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 2 в настоящем сборнике).–38.

РОМЭН, Ж. – автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен (письмо № 1 в настоящем сборнике).–33.

РОССЕ – автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 12 в настоящем сборнике).–76.

СТАЛИН, ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ (род. в 1879 г.).–5, 27, 28.

ТРИНИТЮС – автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (письмо № 8 в настоящем сборнике).–61.

ТРОЛОНГ, РАЙМОНД-ТЕОДОР (1795–1869) – французский юрист, председатель Сената при Второй империи.–49.

ТРОШЮ, ЛУИ-ЖЮЛЬ (1815–1896) – французский генерал, глава „правительства национальной обороны“ (1870) и военный губернатор Парижа. Проявил во время франко-прусской войны крайнюю пассивность в обороне Парижа, способствовал его капитуляции.–15, 53, 56, 69.

ТЬЕР, ЛУИ-АДОЛЬФ (1797–1877) – один из вождей и идеологов правого крыла французской буржуазии, глава версальского правительства (1871), палач Коммуны.–13, 21, 49, 61, 63, 69, 72.

ФАВР, ЖЮЛЬ (1809–1880) – французский адвокат, член „правительства национальной обороны“ (1870), министр иностранных дел версальского правительства и правая рука Тьера при заключении мира с Пруссией и подавлении Коммуны.–15, 21, 49, 69.

ФАЙИ, ПЬЕР-ЛУИ-ШАРЛЬ ДЕ (1810–1892) – французский генерал, один из непосредственных виновников разгрома французской армии под Седаном.–49.

ФЛУРАНС, ГУСТАВ (1838–1871) – французский журналист, бланкист. Член и генерал Коммуны, командир 20-го легиона, зверски убит версальцами.–8, 49.

ШНЕЙДЕР – один из авторов корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (см. письмо № 13 в настоящем сборнике).–77.

ЭБЕР, ЖАК-РЕНЭ (1757–1794) – французский журналист, издатель газеты „Отец Дюшен“ в 1790–1794 гг.–6, 7.

ЭМБЕР, АЛЬФОНС (род. в 1846 г.) – французский журналист, бланкист, один из издателей газеты „Отец Дюшен“ во время Коммуны, военным судом версальцев был приговорен к каторге, после амнистии отошел от революционного движения.–7.

ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ (1820–1895).–5, 12, 15, 16, 19, 25, 26, 29.

ЮЗЕБ – автор корреспонденции в газету „Отец Дюшен“ (см. письмо № 7 в настоящем сборнике).–57.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ..... 5—29

ПИСЬМА

1. Ж. Ромэна *(без даты)* 33
2. Ф. Роз-Пренс *(без даты)* 34
3. Марка Пешара — *9 апреля 1871 г.* 39
4. Этьена Альбрана — *16 апреля 1871 г.* 44
5. (Без подписи) — *19 апреля 1871 г.* 47
6. Ж. Б. — *19 апреля 1871 г.* 51
7. Юзеба — *20 апреля 1871 г.* 56
8. Е. Тринитюса — *20 апреля 1871 г.* 58
9. Жюля Мэтра — *20 апреля 1871 г.* 64
10. Марешаля — *21 апреля 1871 г.* 67
11. Иринея Дотье — *27 апреля 1871 г.* 68
12. Россе — *2 мая 1871 г.* 74
13. Выписка из протокола собрания в церкви Бернара — *14 мая 1871 г.* 77

Указатель имен 79

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подлинники корреспонденций в газету «Отец Дюшен» (вклейка)
Первая страница № 44 газеты «Отец Дюшен» 9
Великий гнев отца Дюшена 13

Плакат: «Газеты Коммуны» 17
Мальчики — продавцы газет на крепостных валах Парижа 23
Тот, кто владеет, и тот, кто ничего не имеет 35
Благословение Господа 41
Военное величие и военное рабство 53
Шут-пигмей 59
Капитулянты 69